
Абсурдный сурдоперевод,
но суд идёт,
но суд идёт.

Сурдинка судорожно дует,
судьба сама себе сдаёт.

Сыра земля,
сурово дуло.

Абсурд, абсурд...

Иди к отцу –
проси о сердобольной ссуде.

Но суд идёт,
да, суд идёт.

Как поседел судья за год –
дней триста шестьдесят пять в сумме.

Суда причаляли сюда.
Стыда не ведают стада,
стада, покинувши суда,
что вновь причаляли сюда,
давно не ведают стыда.

Ох, суд идёт,
эх, суд идёт.
Абсурден сурдоперевод,
а всё ж таки передаёт
страдания судьбы суконной,
хотя сыта
сыра земля
сынами скорби
станет скоро...

Абсурдный сурдоперевод –
так сурикаты
скачут скопом,
пока сюда к ним суд идёт,
как в кочевую степь сарматы,
но степь и тех сумела слопать.

Отдельно лежали вилки,
отдельно лежали ложки,
отдельно ножи,
носочки, платочки,
маечки.
Отдельно лежали люди,
не состоящие в браке,
разлюбленные, не прощённые
или даже ещё не встреченные.
Отдельно лежали тропы,
тротуары, дороги
с «лежачими полицейскими» –
лежачими тоже отдельно.

Отдельно лежали слова
и целые предложения,
просящиеся в отдельные главы.
Отдельно лежали голова

и туловище,
руки и ноги.
Но в то же время,
всё это находилось
как бы в одном неделимом
куске реальности,
который, тем не менее,
тщетно стремились
пристроить
на отдельную полочку.

По паспорту – Жариков Глеб,
по тостеру – жареный хлеб,
по Моцарту – жалоба флейт,
но кто он – не ведаёт сам.
Над городом – скопище жаб,
их файл был для лёгкости сжат,
хоть – посланный наугад –
он чёрен по всем адресам.
Земля повернулась к Луне,
Луна повернулась к Земле;
сидящему на валуне
любой вид отсюда – орбита.
Он плыл вдоль фасадов, как линь.
Он был, словно тень, сиротлив,
где клином не выбитый клин
стал, кажется, хордою быта.

Обрывки густых шифрограмм –
ветров шепутная игра.
Над стройкой – худ башенный кран,
как тот долговязый сатирик.
Гоняет Макар лошадей,
что в красной купали воде,
пока собирал лиходея

людей в медный тазик для стирки.
По образу – шар на игле,
по возрасту – жар от углей,
по пропуску – Жариков Глеб,
но так ли, никто не проверит.
В наушниках лезет трава,
как будто полили рояль,
и звуки, вступая в права,
решили начать с обновлений...

И потому на память обо мне...

Николай Рубцов

Мы будем долго гнать велосипед.
Мы будем долго гнать весь этот бред.
Мы будем долго-долго или нет.
В глухих лугах или в углах глуши
мы остановим, остановят нас.
Мелисса с кофе, с бастурмою квас.
Не Мефистофель Фаусту указ,
когда слуга слагает скарб души.

Нарвём цветов или наврём в цветах.
Нарвал китам неровня, не овца.
Во рву – венки, у рва – стена цела,
но слышен хруст, фонетика трещит.
О наших встречах позабыли мы.
Окрашен вечер в сизые дымы.
Где раньше свечи – нынче свет займы,
всю ночь в окне горит рекламный щит.

И мы пройдем, не поднимая глаз.
И сны про то, что тьма – вода и газ.
И мир – наш дом, но удивляет нас.
Не улыбнувшись даже... Ну и пусть.

Возьмём вот эти скромные цветы.
Назло стилетам скоро снимут швы.
Озон планеты – чистый, как листы,
хоть здесь туман сгущается и грусть...

А мы бежали вниз по лестнице
туда, где сырость и где свет повесился
на чёрном электрическом шнурке,
качаясь между клеток в закутке.
Скользили тени по шершавым стенам
и вязко, словно призрачные стервы,
пытались ухватить под локоток
при тусклом блике латексных чулок,
мелькающих в разрезах длинных юбок,
хоть это просто кабели и трубы.

Тех, кто не в курсе – выведут перила,
поводырей не проча шестикрылых.
Ступени пыльные. Как чиркающей спички
шажок, подошвы ход расплывчат,
но, так или иначе – высек искры,
чтоб за спиной взметнулись ввысь канистры
оглохшей и притихшей пустоты.
Прочь из-под ног торопятся коты
не допустить участия в приметах
своих дающих почву силуэтов.

Толкнём ли дверь внизу финальным жестом
или провалимся в крошечный омут бездны,
растаяв гулом, созданным впотьямах.
Для партии, уже познавшей шах,
столь очевидны мат и гильотина,
когда б не пат с его скупой картиной,
что и штришка добавить уж не даст.
Бежали вниз, снимая новый пласт

с привычных представлений и о спуске,
и о вместившем их вербальном сгустке.

В разбитом сердце
жались пассажиры –
худые, мёртвые,
холодные, слепые,
ютились за обломками,
стонали, играли в салочки
друг с другом, хоть безноги,
бросались через крышу
оторванными напрочь головами,
а ветер шелестел
пустой газетой,
и с тем незримо
приближалось лето...

Ах, сводки.
Что нам эти сводки.
В глазах рябит
от круговерти судеб,
вбирающей в свой вихрь
люминесцентный
одни лишь заголовки
да комменты,
пока за этой
клиповой нарезкой
не промелькнёт,
как двадцать пятый кадр лето.